

В.М. Розин

Методологический подход как современный вариант разрешения проблемы сложности

Кто будет отрицать, что право, техника, социальные институты и тому подобные явления являются сверхсложными. Тем не менее в методологии разработаны стратегии, позволяющие их анализировать и получать знания и представления вполне ясные и даже операциональные. Каким образом при этом преодолевается сложность изучаемых явлений? Именно за счет методологического подхода и способа работы. Правда, в настоящее время методология не только завоёвывает все новые позиции, но и подвергается критике.

Действительно, с одной стороны, наблюдения показывают, что значение методологии в течение всего XX столетия постоянно возрастало. Все больше усложняется мышление практически во всех областях деятельности и практиках. В результате для эффективной мыслительной работы мышление приходится планировать и программировать, а это одна из важнейших функций методологии. В свою очередь, усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью выбора той или иной познавательной, более широко мыслительной стратегии. В настоящее время, по сути, каждая серьезная интеллектуальная задача для своего решения предполагает методологическую работу: проблематизацию, выбор средств и стратегий решения, методологический контроль и рефлексию, обсуждение неудач и проблем, возникающих при реализации методологических предложений и прочее.

С другой стороны, многие философы обвиняют методологию как подход в глобальном *нормативизме и экспансии*, другие – в *технологизме*, третьи (феноменологи) утверждают, что методология в силу приверженности к априорности и методам не в состоянии осмыслить изучаемое явление, сохранив его *уникальность и своеобразие*¹. Но есть методология и методология, нормативизм и нормативизм. Если речь идет о «панметодологии» (к этому направлению можно отнести не только неокантианцев, о чем пишет А.П.Огурцов, но и создателя отечественной методологии Г.П.Щедровицкого²) и *жестком* нормировании мышления, то критики правы. Но реально методология существует в разных вариантах, причем многие из них преодолевают и соблазны нормативизма и соблазны глобализации в отношении других интеллектуальных дисциплин. Теперь о критике со стороны феноменологии. Остановимся на ней подробнее.

Методологи считают свой подход альтернативным феноменологическому. Ну, какая же это альтернатива! – скажет феноменолог. Методолог не может и шагу ступить без своих костылей – методов, схем, рефлексии, науки, проектирования, в то время как феноменолог весь этот сложный арсенал инструментов с успехом заменяет своим собственным сознанием и его работой. Феноменолог так устанавливается, приводит себя в такое «основонастроение», превращает себя в такое «событие», что интересующий мыслителя «предмет сам является»³.

Более того, продолжит феноменолог, методология в своем желании все контролировать, делать ясным и операциональным, просчитываемым и управляемым, невольно выплескивает вместе с «ошибочными способами мышления» самого ребенка – с одной стороны, *уникальный феномен*, который никогда не может быть вычислен и прояснен до дна, а часто именно этим прояснением затемняется, с другой – саму мысль, суть которой в том, чтобы го-

¹ Швырев В.С. Методология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 554.

² «Для неокантианцев вообще характерен панметодологизм, т. е. превращение методологии в универсальное философское учение, определяющее и форму, и содержание, и предмет научного познания и вообще своеобразие тех или иных научных дисциплин» (Огурцов А.П. Методология // НФЭ. С. 556).

³ Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1960. С. 69–70, 77; Бибихин В.В. Витгенштейн: Смена аспекта. М., 2005. С. 41–42.

товить следующую, новую мысль. Хотя методология, продолжит свою критику феноменологов, претендует на то, чтобы развивать мышление, она, вынужденная опираться на свои костыли, невольно смыкается с мировоззрением и метафизикой, которые в принципе не могут себя обосновать.

Но не являются ли сами эти размышления феноменологов методологией? Ну да, методологией, озабоченной преодолением завалов, созданных мировоззрениями и «натуралистическими» концепциями, описывающими реальность как таковую. Методологией, ставящей своей целью – удержать уникальность явления, очистить его от существующих односторонних точек зрения (опосредований и редукций), взять его, так сказать, неповрежденным. Но реалистичен ли такой проект, не будет ли неповрежденный феномен – кантианской «вещью для себя», которую мы можем помыслить, но ничего конкретного о ней сказать не в состоянии?

Реальный феноменологический анализ представляет собой не столько реализацию представлений, соответствующих «феноменологической концептуализации», сколько особую методологию и мыслительную работу, позволяющие увидеть новое, конституировать новую предметность и реальность. При этом могут быть использованы самые разные средства и методы, важно лишь, чтобы в результате это новое проявилось и появилось.

В этом отношении феноменологическая работа принципиально двухслойна: в одном слое феноменолог использует обычные инструменты и способы работы, в другом – он отслеживает свое сознание на предмет становления нового, выявления новой предметности и реальности. Иначе говоря, я утверждаю, что феноменологическая работа не образует собой целого; она входит как необходимая составляющая в более сложное образование творчества-познания. Эта составляющая концептуализируется через работу сознания, что, возможно, так и привлекает психологов, если вспомнить, что сознание, а не психика выступало первым предметом психологии.

Кроме того, феноменологи в полемике с односторонними подходами к изучению явлений, которые блокировали творчество, а часто и саму возможность правильно понять явление, как раз и выплеснули с критикой самого ребенка – *идеализацию как совершенно необходимое условие всякого познания*. Действительно, и фило-

софское и научное познание предполагает построение «идеальных объектов», которые позволяют приписывать явлению определенные характеристики и удерживать эти характеристики в ходе дальнейшего изучения. Причем, это не отрицает, а наоборот впервые дает возможность, как говорят феноменологии, явлению появиться. Именно потому, что Платон, давая определения, приписывает любви в «Пире» определенные характеристики (любовь – это гармония, разлитая в космосе, это поиск своей половины и стремление к целостности, это вынашивание духовных плодов, это не бог, а гений), платоническая любовь появляется для читателей «Пира».

Стоит отметить, что многие методологические формы работы, по сути, эквивалентны феноменологическим, но в отличие от последних не многозначны и не косвенны. Например, я показываю, что проблематизация позволяет выявить уникальность изучаемого явления, а также преодолевать односторонность исследовательского подхода. Гуманитарные установки методологической работы и методы культурно-исторической реконструкции – брать явление в связи с бытием (жизнью). Коллективные формы методологического мышления способствуют тому, что методологическая мысль строится так, чтобы готовить условия для следующей новой мысли.

И постмодернисты вряд ли могут доказать, что методология не нужна. Реальные факты, на которые они указывают, не являются основанием для принятия современной ситуации как нормальной. Да, не секрет, что современные коммуникации в сфере философии и науки становятся все более локальными и глухими друг к другу. Сообщества специалистов, хорошо понимающих друг друга, сужаются до нескольких человек, а в пределе до отдельного индивида. Робкие попытки установить нормы мышления даже в отдельной аудитории или семинаре встречаются в штыки или воспринимаются иронически. Конечно, есть отдельные области знаний, например математика, где положение дел с коммуникацией не столь катастрофично, но это только подтверждает правило. Впрочем, стоит уточнить. Подобная оценка – взгляд со стороны, сами участники той или иной аудитории или семинара, как правило, уверены, что понимают друг друга, хотя, если их спросить, что и как они поняли, то выясняется полная разногласица и противоположность суждений.

Ну и что, скажет наш оппонент-постмодернист, подобное положение дел отражает современную ситуацию в культуре: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо стремления к согласию и порядку – акцентирование различий, разногласия, противостояния, не общезначимость, а условность или метафоричность, приоритет не науки, а других дискурсов, прежде всего искусства, не существование, а разные, в том числе и «непрозрачные» *реальности*.

Нужно заметить, что в обычной практике распадение мышления на отдельные области и отсутствие критериев правильности философской мысли в настоящее время достигли критического уровня. Обособление научных сообществ и дробление коммуникаций достигли своего дна, стали просто невыносимыми. Появляются многочисленные свидетельства тяги к обсуждению, и главное, разрешению сложившейся ситуации. Не стоит культивировать обособление и автономию форм мышления, а, признавая реальность, анализировать её, вырабатывая новые практики и понимание, например, в отношении той же нормативности. Что, например, показывает исследование моды как современной социальной нормы?

Подобные нормы устанавливаются в процессе активности социальных акторов, посылающих в публичную среду различные мессаджи. Это первое условие. Второе условие – создание нужной социальной среды и готовности. Третье – самоорганизация этой среды в ответ на данные послания. Интересно, что в понятие публичности входят такие характеристики как «массовость», «свобода», «экранность», но также и «социальная нормативность». Действительно, например, мода – это массовый феномен, она предполагает свободу личности (во времена военного коммунизма, как известно, все одевались одинаково (покрой и материал а-ля Сталин или Мао); мода действует и эффективна там, где есть «экраны», прогулочные зоны, зоны отдыха и развлечения, специальные демонстрационные площадки и помещения и т. п. Но мода – это также и социальное, публичное пространство, именно здесь, как все знают, устанавливается мода, т. е. социальная норма. При этом понятно, что если социальные нормы устанавливаются подобным образом, то они вариативны, временны, обновляемы, существенно зависят от характеристик социальной среды. А вот какие представ-

ления о нормативности можно получить, анализируя реализацию на одном и том же «материале» двух различных социальных норм (что очень характерно для современности).

Возьмем для примера такую, сегодня достаточно распространенную, ситуацию: некто, с одной стороны, стал ходить в церковь, а с другой является твердым рационалистом. Спрашивается, как он примиряет в своем сознании и поведении религиозную и рациональную нормативность, которые по ряду параметров противоположны? Наблюдения показывают, что современный человек реализует в данном случае три разные стратегии. Одна, её можно назвать «жизнь в двух комнатах», состоит в том, что он как бы расщепляется на две личности – верующую и атеистическую. Первая живет в одной «комнате», а вторая в другой. Такой человек как бы говорит: в церкви я верующий, а на работе рационалист, нет никаких проблем, здесь я такой, а там другой. Кстати, тех, кто живет по принципу «двух комнат», в современной культуре очень много.

Вторая стратегия (назовем её «компромиссной») тоже характерна для массовой культуры. Реализуя сразу две несовпадающие социальные нормы, индивид как бы не замечает и опускает те их характеристики, которые противоречат друг другу, и напротив, артикулирует другие характеристики, которые ему желательно видеть. Если первая стратегия позволяет практически не менять социальные нормы (решение достигается за счет самоорганизации индивида, по-разному себя идентифицирующего), то вторая стратегия – это, по сути, первый этап построения новой нормы. Последняя сложится, если будет иметь место осознание нового употребления и его удастся транслировать другим.

Третья стратегия (назовем её «редукционистской») очень типична для философии и науки. Её суть в приведении чужой точки зрения к собственной, т. е. все представления, не совпадающие с принятой позицией и взглядами, сводятся к последним.

Четвертая стратегия (будем называть её «синтетической») реализуется теми индивидами, которые, во-первых, целостны, т. е. они не признают возможность существования в двух комнатах, во-вторых, в той или иной мере они осознают различие самих социальных норм. В этом случае некоторые креативные индивиды создают новые социальные нормы, сознательно синтезируя характеристики обеих норм. Например, Эмануэль Сведенборг был глу-

боко верующим человеком (христианином) и крупнейшим ученым и инженером XVIII столетия. После 25 лет очень успешных научных занятий он оставляет их и создает эзотерический вариант христианского учения, который, как это ни удивительно, одновременно удовлетворяет идеалам естествознания (создавая свое учение, Сведенборг снимает основные противоречия христианской доктрины, описывает духовную реальность на основе научных понятий, обосновывает их в соответствии с логикой точных наук)⁴.

Приведу еще одну стратегию социального нормирования, её можно назвать «потемкинской деревней». Суть её в том, что публично заявляется одна социальная норма, а фактически реализуется совершенно другая (часто противоположная по содержанию); однако обязательное условие – демонстрация реализации в форме первой нормы. За примерами не нужно ходить далеко: это дискурс М.Фуко, призванный *скрывать* реальное положение дел, или неправовая практика, оформляемая в рамках действующего права.

Думаю, примеров достаточно. Из них ясно, что современные социальные нормы существенно отличаются от традиционных. Ни о какой однозначности не может быть и речи, и системность здесь очень своеобразная. На первый план выдвигается ***деятельность и стратегии социальных акторов***, создающих на исходной основе социального нормирования разные нормы. Укажем теперь основные особенности методологического подхода.

В «Великом восстановлении наук» Френсис Бэкон утверждает, что руководящей наукой является «наука о мышлении», но само мышление предварительно должно быть подвергнуто сомнению и «новому суду». По сути, похожая установка лежит в основе современной методологии. Она видит свое назначение, с одной стороны, в ***перестройке и реформировании неудовлетворительных форм и способов мышления***, с другой – в ***построении способов мышления***, позволяющих решать принципиально *новые* проблемы и задачи. При этом, несмотря на различие трактовок мышления в разных направлениях методологии, думаю, я не очень ошибусь, утверждая, что мышление в методологии понимается, во-первых, как *дискурсивная мыслительная практика* (рассуждения, доказательство, построение схем, понятий, идеальных объек-

⁴ Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эммануэля Сведенборга. М., 2007.

тов и пр.), во-вторых, как *правильные* способы дискурсии, не приводящие к противоречиям и другим затруднениям, позволяющие эффективно решать мыслительные проблемы и задачи, в-третьих, как *осознание (концепции)* мышления; последний момент осознается значительно меньше.

Разделение дискурсивных мыслительных практик и концепций мышления прием чисто аналитический. Мыслительные практики образуют своего рода «тело мышления», если можно ввести такое представление, «сознанием» которого выступают концепции мышления. В живом организме, а мышление, на наш взгляд, напоминает такой организм жизни, сознание и телесность сосуществуют в единстве. Целое – не отдельно мыслительные практики и концепции мышления, а именно мышление, причем *эволюционирующее*. Наши исследования показывают, что эволюция мышления состоит из циклов, обусловленных сменой культур и/или вызовами времени, причем каждый цикл, в свою очередь, включает два основных этапа: *становление* мышления и его *функционирование (и развитие)*. Можно говорить и о *порче* (коррупции) мышления. Состав самого первого цикла такой: становление античного мышления в работах Платона и Аристотеля, функционирование и развитие мышления в античной философии, науке, юриспруденции и политике. Порчу античного мышления можно увидеть (реконструировать) в «творчестве» многих античных политиков и юристов. По меньшей мере два цикла мышления падают на Новое время. Первый новоевропейский цикл мышления вполне можно назвать по соответствующим двум концепциям – «бэконовско-декартовским», второй – «психологическим», третий – «постклассическим» (он задан методологической и феноменологической концепциями мышления).

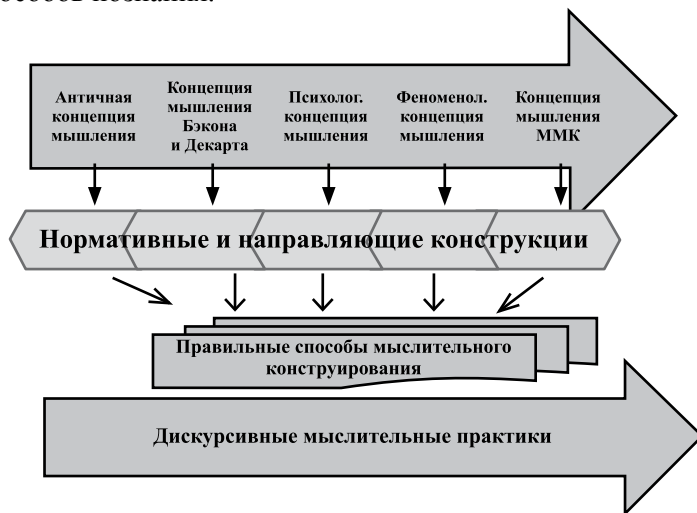
С опорой на эту концепцию можно указать более конкретные задачи, которые решает методология, например, в плане перестройки и реформирования мышления в науке.

– Оценка состояния в некоторой области научного мышления и знания как неудовлетворительных.

– «Методологический поворот», то есть переход от предметной, научной позиции к методологической, от изучения объекта данной науки к анализу «рефлексивных содержаний» (понятий, подходов, идеалов науки, типов знаний, основных дискурсов и способов мышления и прочее).

– Перестройка рефлексивных содержаний на основе определенных стратегий (деятельностной, системно-структурной, гуманитарной и других).

– Возвращение в научный предмет («дисциплинарный поворот»), что предполагает создание первых образцов новых понятий и способов познания.

Следующая, вторая важнейшая характеристика методологии – контроль за правильностью самой методологической мысли, предполагающий, с одной стороны, её *рефлексию, анализ и оценку*, с другой – *определенное изменение* (перестройку).

В качестве иллюстрации могу привести собственное гуманитарное исследование жизни А.С.Пушкина. Если взглянуть на проведенное исследование с точки зрения методологии, то приходится признать, что практически все шаги моей мысли были обусловлены задачами, которые я решал как методолог. Так, я хотел понять особенности гуманитарного научного познания и сознательно выстраивал свое исследование как удовлетворяющий меня образец гуманитарного мышления. При этом я не менее сознательно реализовал ряд методологических представлений: понимание гуманитарной науки и научного исследования, полученные в предыдущих исследованиях, культурологический и методологический подходы, значение схематизации и другие. Итог исследования – не только

знания о жизни Пушкина и разрешение мучавшей меня экзистенциальной ситуации, но и существенное уточнение методологических представлений о специфике и особенностях гуманитарной науки и познания⁵.

Здесь естественно встает поставленный выше сакраментальный вопрос: почему решение методологических проблем должно определять способы изменения других форм мышления, и где гарантии, что методологи сами правильно мыслят? Ну, во-первых, в культуре никаких гарантий нет, точнее, нет такого субъекта, который эти гарантии может дать. Во-вторых, если методолог перестраивает мышление, *учитывая его природу, следит за строгостью собственной мысли, рефлектирует её и выставляет на обсуждение заинтересованным субъектам* (ученым, инженерам, искусствоведам и др.), *если он готов учесть их критику* (что не означает – обязательно с ней согласиться), а также *готов*, если это необходимо, *изменить собственные представления и способы работы*, то в этом случае методолог может считать свое мышление более продвинутым и совершенным. Другое дело, что подобная оценка эффективности собственного мышления в дальнейшем может оказаться неверной, однако, с этим ничего поделать нельзя. Методолог – пионер, прокладывающий новые пути в мышлении, он делает все, чтобы открывать новые «дороги» мысли, но поскольку чаще всего неизвестно, куда они выводят, постольку и методология может завести нас в тупик. Тем не менее, как правило, она все же выполняет свое назначение, способствуя дальнейшему становлению и развитию мышления. А издержки и ошибки есть во всяком деле, тем более столь сложном.

Третья основная характеристика – опора в решении методологических проблем и задач, с одной стороны, *на современные интеллектуальные технологии*, с другой – на *научное изучение мышления*. Действительно, методолог в качестве своих средств (стратегий) использует, с одной стороны, техники ведения диалога и критики, техники проектирования, программирования, научного исследования и т. д., с другой – знания, полученные в ходе исследования становления и функционирования мышления.

⁵ Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М., 2009. С. 108–135.

В отличие от философии, методология специализируется именно на технологической стороне мышления; методолога в первую очередь интересует вопрос – *как*, а не *что*, даже объект или реальность он понимает как форму существования мыслительной деятельности. А исследование мышления методологу необходимо для того, чтобы, перестраивая последнее, быть уверенным, что это делается правильно, что технологии, которые он применяет, не разрушают мышление, а способствуют его дальнейшему развитию. Дело в том, что мышление – это не только конструкция методолога, но и органическое образование, на становление и функционирование которого оказывают влияние различные и часто мало контролируемые факторы: вызовы времени, изобретения, установки мыслящей личности, условия коммуникации (понимание и не понимание, установки на согласие и сотрудничество, состав участников и др.), способы использования знаний и ряд других еще не изученных моментов.

Четвертая характеристика методологии – разделение её на две сферы: *частную* и *общую*. Задачи частной методологии – перестройка способов мышления в той или иной *конкретной дисциплине* (определенном направлении философии, конкретной науке, конкретном типе проектирования, определенном виде искусства и т. д.). Основная задача общей методологии – исследования и разработки, позволяющие создавать *средства для частных методологов*.

Пожалуй, пятая характеристика методологии – её *связь с философией*. Акцентируя технологическую сторону дела, сосредоточиваясь на мышлении и его реформировании, методология нуждается в более широком взгляде, учитывающем личность мыслящего и само бытие (время), его вызовы и сущность. Конечно, можно считать, подобно Щедровицкому, что все это должно учитываться в самой методологии, но я так не думаю. Вряд ли методология, претендующая на ассимиляцию философии и наук, будет жизнеспособным и культуросообразным социальным организмом.

Охарактеризую теперь на примере техники некоторые принципы методологического исследования сложных явлений. Первый принцип, который я обычно стараюсь реализовать, можно назвать *установкой на современность*. В соответствие с ним я рассматриваю и анализирую интересующее меня явление в свете проблем

и вызовов нашего времени. Имея в виду исследование техники, нужно учесть проблемы, касающиеся техники, которые волнуют современных философов и ученых.

Второй и третий принципы можно лучше понять, обращаясь к исследованиям Гарольда Дж. Бермана. Речь идет о том, что при изучении сложных социокультурных феноменов не действуют принципы *естественнонаучного подхода*, такие как выявление причинно-следственных отношений, описание механизмов явления, экспериментальное подтверждение и другие, что не означает отказа от рационального объяснения. Берман весьма точно выражает новый подход к изучению не только права, но всех подобных популяционных сложных объектов – ***одновременное рассмотрение взаимосвязанных сторон этих объектов*** (культуры, политики, права, экономики, искусства и других), и он в своей книге так и поступает. Данный подход и можно назвать *принципом соотносительного анализа*.

В соответствие с этим принципом, как я показываю, нужно, во-первых, следовать установкам *гуманитарного подхода* (реализовать при изучении техники свои ценности и видение и стараться предоставить голос другим мыслителям, анализировавшим феномен техники), во-вторых, исследуя технику, двигаться одновременно в нескольких предметах (культурологии, семиотике, теории деятельности, эпистемологии), в-третьих, корректировать представления каждого предмета, соотнося их со знаниями, полученными в других предметах. В последнем случае можно опираться на системный подход или различные его варианты (идея целостности, органичности и организмичности, социальной жизни и др.).

Не менее важный принцип, провозглашаемый Берманом, – ***анализ традиции***, которая представляет собой «нечто большее, чем историческая преемственность», а именно – это ***«смешение осознанных и неосознанных элементов»***⁶. Применительно к нашей теме речь идет о необходимости при изучении техники анализировать как объективные деиндивидуальные процессы, так и субъективные, проявляющиеся в сознании в форме различных культурных представлений. При этом основной метод – рациональная реконструкция истории изучаемых явлений, в данном случае техники. В свою очередь, в теоретическом плане технику автор относит к **реальности культуры**.

⁶ Берман Дж.Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 532.

Среди различных стратегий методологического исследования двумя основными являются «метод псевдогенетического анализа» и «построение диспозитивной дисциплины». Первую я достаточно подробно рассмотрел в нескольких своих исследованиях, а вторую опишу здесь. Вот её основные характеристики.

– Продуктом современного мышления является построение *диспозитивной дисциплины*, включающей организованные мысль, знания, понятия, идеальные объекты, схемы. В функциональном отношении эта дисциплина ориентирована на решение трех основных задач. Она описывает и позволяет объяснить явление (объект изучения), которое интересует «дисциплинария» (термин, предложенный методологом С.В.Поповым), в данном случае технику. Может быть использована для социально значимого влияния (воздействия) на данное явление. Наконец, позволяет дисциплинарию при создании этой дисциплины реализовать себя. Дисциплина – конечный продукт современного мышления, в плане работы мышление помимо познания явления включает в себя конституирование социально значимого воздействие на это явление, а также организацию и конституирование самой мысли. Последнее делает возможным как познание явления, так и конституирование социально значимого воздействия на него.

– Современная мысль, как правило, разворачивается в поле мыслительной коммуникации, где действуют другие дисциплинарии (мыслители), которые сходный материал и проблемы видят и объясняют иначе или противоположно. Необходимое условие правильной мысли – осмысление этих взглядов, ассимиляция того в них, с чем можно согласиться, аргументированное отклонение представлений, с которыми нельзя согласиться.

– Для того чтобы сформировать отношение к взглядам основных коммуникантов, необходимо анализировать соответствующие дискурсы и концепции. Под дискурсом я буду понимать не только то, о чем писал Фуко. Для меня дискурс некоторого явления – это определенный способ его осознания, мышления и языкового выражения, в той или иной форме включающий в себя определение характера воздействия на это явление.

В отличие от дискурса, концепция предполагает определенное (философское или теоретическое) объяснение феномена. Можно предположить, что концепции техники разворачиваются в рамках определенных дискурсов.

– Выработка отношения к взглядам основных коммуникантов предполагает самоопределение дисциплинария, по меньшей мере, в двух отношениях: в плане определения характера воздействия на изучаемое явление (будем такое воздействие называть «социально значимым действием») и в плане понимания сущности изучаемого явления. Сам я склонен следовать поздней концепции Фуко (необходимость выслушать реальность, нащупать тенденции ее изменения, соотнести свои действия с этими тенденциями, контролировать форму и характер этих действий). Кроме того, подобно Хайдеггеру, считаю, что начинать надо с самого себя, меняя собственное мышление. В отношении же других допустим только метод убеждения, который нужно проводить последовательно.

Сущность явлений для меня не задается априорно, до всякого исследования, напротив, она нащупывается в процессе изучения-конституирования. Тем не менее, как и любой мыслитель, я не могу не следовать каким-то традициям, не свободен от них. В частности, как представитель методологической школы мышления я склонен описывать явления в горизонтах истории, культуры, культурного или индивидуального сознания, деятельности, языка (семиозиса). Обязательность именно таких, а не каких-то других представлений, на мой взгляд, должна корректироваться критикой и рефлексией собственной мыслительной работы, а также живым ощущением предмета.

Выявление сущности техники включает в себя объективные процедуры познания и объяснения, и следовательно, проблематизацию, эмпирическую верификацию, построение идеальных объектов, понятий и схем, системную организацию знаний.

– В методологическом отношении сущность явлений задается понятием «диспозитив». Под диспозитивом некоторого явления я понимаю схему (описание) этого явления как идеального объекта, содержащую отдельные стороны (планы, составляющие) этого объекта, причем такая схема в той или иной степени учитывает анализ дискусов, развернутых по поводу данного явления, позволяет объяснить проблемы, относящиеся к этому явлению, создает возможность воздействия на него. Диспозитив задает хотя и целостное, но гетерогенное представление объекта. В модальном отношении этот объект может быть опознан как «объект возможный» (например, возможная техника, возможная

технология), поскольку мыслящий, анализируя дискурсы, проблематизирует ситуацию как неудовлетворительную и имеет намерение воздействовать на интересующее его явление. Строение возможного объекта проясняется, уточняется и конкретизируется (а также пересматривается, если это необходимо) в ходе дальнейших исследований и создании дисциплины, описывающей и объясняющей этот объект. При построении этой дисциплины диспозитив используется в качестве методологической план-карты, а также конфигуратора возможного объекта (поэтому такую дисциплину можно назвать «диспозитивной»).

– Помимо того, что сущность рассматриваемого явления конституируется в соответствии с дискурсами и характером социального действия, который нащупывает и начинает осуществлять мыслящий, сущность явления должна быть соотносима также с предельными горизонтами его описания. Под последним я понимаю выработку при изучении явления отношения к истории и социальности (социальным практикам, социальному опыту, социальным отношениям и т. п.). Например, понятие сексуальности у Фуко вполне соотносится с его пониманием возможности влиять на этот аспект социальности. Одновременно Фуко осмысляет сексуальность в истории и современности.

На мой взгляд, именно История и Социальность и могут выступать как такое общее основание для мышления и социального действия, если только их не понимать натуралистически. Исторические и социальные события – это пространство и реальность, только частично независимые от человека. Напротив, выделяя историческое или социальное событие (отношение), человек конституирует как историю и социальность, так и себя. Но одновременно для других участников истории и социальной жизни эти события, конституированные человеком, выступают как объективные условия, как то, во что все с необходимостью вовлекаются. Общее здесь не реальность, данная вне человека, а условия, которые человек находит и которые он, следуя себе, осмысляет и претворяет. Частично это условия материальные (природные явления, биологические тела, артефакты), частично идеальные (семиозис, деятельность, взаимодействия и т. п.). Для исторического плана характерно самоопределение человека относительно социальных изменений, для социального – относительно исторического про-

цесса. В обоих случаях мысль создает условия для возможных изменений, на которые человек не может не реагировать. Соответственно и объект современной мысли – это объект в модальном отношении возможный, желательный с точки зрения исторических и социальных изменений.

– Необходимым условием мыслительной коммуникации является рефлексия и публикация мыслительной работы, ее оснований и подходов, соотнесение своей точки зрения и видения с позициями других дисциплинариев, стремление сделать свой дискурс понятным.

– Другое необходимое условие и мыслительной коммуникации и самого мышления – работа, направленная на самого себя (на своё видение, понимание, мышление), на изменение, если это необходимо, состояний своего сознания и психики, так сказать, работа по приведению себя в такое состояние, в котором впервые становится возможной эффективная мысль.

Охарактеризованная здесь методология исследования была реализована в исследовании феноменов техники, науки, любви, права. Она позволила преодолеть сложность этих явлений именно за счет проведения указанных выше принципов и установок. Одновременно они уточнялись по мере исследования каждого из указанных явлений.